

с собой народы-завоеватели, в результате чего постепенно складывался феодальный строй. В Северной Африке арабское завоевание привело в конечном счете к тому, что в ряде районов развитие феодальных отношений проходило в более примитивных формах, характеризующихся сохранением значительных пережитков первобытно-общинного строя. Это объясняется в значительной мере тем, что берберийские племена, натиск которых в VII—VIII вв. широкой волной захлестнул южную часть Византийской Африки, стояли на более низкой стадии общественного развития, чем германские и славянские племена Европы. Необходимо вместе с тем учитывать, как это справедливо подчеркивает Френд, что ирригация в этих районах Африки была необходимым условием развития земледелия (стр. 66). Возделывание такой культуры, как оливки, и управление системой ирригационных сооружений, несомненно, было трудным делом для кочевников-берберов, не имевших необходимых навыков. Это затрудняло их переход к земледелию.

Вопросы социально-экономического развития Северной Африки в первые века арабского завоевания, разумеется, нуждаются в дальнейшем детальном исследовании. Однако работу Френда можно рассматривать как определенный вклад в решение данной проблемы. Эта работа, несомненно, представляет интерес для любого исследования древней и средневековой истории Северной Африки.

Г. Г. Дилигенский

ВИЗАНТИЯ И ЗАПАД В „ТРУДАХ“ X МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА ИСТОРИКОВ В РИМЕ

Изучение истории Византии занимает большое место в исследованиях зарубежных историков. Интерес к событиям, развертывавшимся в восточной части бывшей Римской империи, отчетливо сказался в том, что на X Всемирном конгрессе историков, происходившем в Риме в сентябре 1955 г., были поставлены и включены в его „Труды“ доклады византиноведческого характера. Правда, авторы этих докладов сосредоточили свое внимание лишь на некоторых проблемах византийской истории, взяв один из ее аспектов, а именно: были подвергнуты рассмотрению вопросы, связанные с историей взаимоотношений Византии и Запада в раннее средневековье и во время крестовых походов. Но такое ограничение тематики докладов вполне правомерно, поскольку почти одновременно с Римским конгрессом, работа которого охватывала весьма широкий круг проблем всемирной истории, происходил специальный конгресс византинистов в Истамбуле¹.

Из докладов, затрагивающих в той или иной мере различные стороны западно-византийских отношений, наиболее обширным является выступление известного византиниста Франца Дэльгера (Федеративная Республика Германии) — „Византия и Запад до крестовых походов“².

Доклад Ф. Дэльгера посвящен рассмотрению взаимоотношений (точнее, взаимных влияний) Византии и Запада в предшествующее крестовым походам время (т. е. примерно с 330 по 1100 г.). Круг рассматриваемых

¹ См. ВВ, т. X, 1956, стр. 236—253.

² F. Dölger. Byzanz und das Abendland vor den Kreuzzügen. Relazioni, vol. III, p. 67—112. (далее ссылки на страницы — в тексте).

автором проблем сознательно ограничен областью политической и церковной жизни, а также вопросами истории литературы и научных знаний³.

При разрешении поставленной задачи Ф. Дэльгер исходит из убеждения, что в рассматриваемый им период между „Byzanz“ (под Byzanz он понимает не только Византийскую империю, как таковую, но и области, подвергшиеся в данный отрезок времени сильному воздействию византийской культуры, — к ним автор относит Болгарию, Восточную Сербию, территорию позднейшей Румынии, Южную Россию) и „Abendland“ (в основном заселенные германо-романскими народами районы Западной Европы) в политической и культурной областях существовало характерное различие, образовавшееся на протяжении столетий и приведшее к взаимному отчуждению и недоверию, которое позднее (в XIII—XV вв.) возросло в еще большей степени (стр. 69).

Причины прогрессирующего в течение средневековья политического и духовного разрыва между Востоком и Западом Ф. Дэльгер усматривает прежде всего в административно-политическом делении, установленном в 395 г. и приведенном, по его мнению, в 476 г. к завоеванию „варварами“ западной половины империи; он указывает, далее, на такие факторы, как различное восприятие христианского учения (в то время, как на Востоке господствовало теоретико-богословское направление, на Западе имело место более „мирское“, этико-практическое направление) и церковно-политическую напряженность, возникшую в результате принятия 28 канона Халкидонского собора; особое значение автор придает тому обстоятельству, что Восток и Запад очень скоро утратили возможность извясняться между собой понятным для обеих сторон разговорным языком и усваивать литературную продукцию друг друга (стр. 69—71).

Автор считает необходимым подчеркнуть, ввиду предпринимаемых, как он заявляет, попыток отрицать противоположность между Византией и Западом, что эта противоположность является неоспоримой исторической реальностью, последствия которой сказываются вплоть до настоящего времени. Это обстоятельство и послужило для автора одним из побудительных мотивов к рассмотрению поставленных в докладе вопросов (стр. 71).

Столь категорическое утверждение Ф. Дэльгера о „противоположности“ (Gegensatz) между Византией и Западом не может не вызвать некоторого недоумения. Совершенно бесспорен тот факт, что развитие Востока и Запада, как и вообще развитие той или иной отдельно взятой страны, шло своим путем, имело свои особенности. Но это отнюдь не дает еще основания отрицать общие закономерности этого развития и говорить о его „противоположности“. Р. Лопец, посвятивший свой доклад изучению экономических отношений между Востоком и Западом, совершенно правильно констатирует, что важнейшие проблемы средневековья были общими не только для Запада и Ближнего Востока, но и для Дальнего Востока (стр. 140). Искусственное исключение Ф. Дэльгером из своего доклада вопросов экономических взаимоотношений Востока и Запада представляется вообще неоправданным. В результате при выяснении причин, породивших дальнейшее расхождение между Востоком и Западом, автор ограничивается простой констатацией обстоятельств, сыгравших, по его мнению, наибольшую роль в этом расхождении. Но сам по себе, например, факт разделения империи в 395 г. на восточную и западную половины, а также падение в 476 г. Западной Римской империи были не столько

³ Экономические отношения между Востоком и Западом послужили предметом другого доклада на конгрессе — R. S. Lopez. East and West in the Early Middle Ages: Economic Relations. Relazioni, vol. III, p. 113—163.

причиной дальнейшего расхождения в путях развития Востока и Запада, сколько следствием исторических особенностей их социально-экономического развития.

Рассмотрение конкретного материала Ф. Дэльгер начинает с характеристики политических отношений между Восточной Римской империей и германскими государствами, возникшими на территории Западной Европы после 476 г. Он отмечает, что эти отношения никогда не прерывались, и германские государи долгое время не мыслили себе иного политического существования, как в рамках империи.

Провозглашение в 800 г. Карла Великого императором и его коронование папой Львом III было воспринято византийцами как бунт против „установленного богом имперского порядка“. Это обстоятельство, по мнению докладчика, послужило основанием не только к возрастающему соперничеству двух империй, но и к непрерывному росту домогательства римского папы, освободившегося от власти византийского императора еще в середине VIII в., после обращения за помощью к франкским королям против лангобардов (стр. 71—75).

Автор обращает, далее, внимание на то обстоятельство, что, несмотря на создавшееся положение, политический контакт между Византией и Западом в форме обмена посольствами не прекращался.

Опираясь на целый ряд появившихся в последнее время исследований (стр. 75, прим. 3 и 4), Дэльгер отмечает при этом, что обмен посольствами был значительно более частым, чем это можно было бы предположить, исходя только из прямых указаний источников. Некоторые посольства направлялись из Константинополя к папе, иногда от императора, а иногда от константинопольского патриарха (стр. 75—77).

Стремясь сравняться по положению с императорами Византийской империи, западные государи переняли от Византии некоторые символы императорского достоинства, а также некоторые институты. Это подражание Византии выразилось в введении соправительства, в оформлении западного императорского церемониала (стр. 77—80).

В разделе, посвященном церковным отношениям, Ф. Дэльгер отмечает, что здесь основное значение для отношений между Византией и Западом имело то обстоятельство, что константинопольский император, являясь, согласно господствующей в Византии концепции государственной власти, представителем бога на земле, был главой вселенской церкви, а, следовательно, обладал также и верховной властью по отношению к римскому епископу до тех пор, пока Италия принадлежала империи.

Автор останавливается затем на борьбе между византийскими императорами (Юстинианом I, а позднее Львом III) и римскими папами и отмечает, что первый решительный шаг в церковном отделении Востока от Запада был сделан при патриархе Фотии, стремившемся поставить константинопольский престол во главе „вселенского христианства“ и впервые сформулировавшем догматические расхождения между восточной и западной церквами. Ф. Дэльгер справедливо считает, что обострению отношений с Западом в IX в. содействовала борьба между византийской церковью и римским папой за распространение своего влияния в славянских странах.

Ко времени официального разделения восточной и западной церквей (1054) византийский император, стремясь заручиться помощью папы против норманнов, готов был признать из военно-политических соображений его авторитет как высшую апелляционную инстанцию в церковных вопросах. Однако переговоры по догматическим вопросам между

кардиналом Гумбертом и константинопольским патриархом Керуларием привели к окончательному разрыву.

Автор останавливается, далее, на неоднократно возобновлявшихся вплоть до падения Византийской империи (1453) и связанных с требованием подчинения восточного христианства римскому папе переговорах о военной помощи Запада против турок, угрожавших Византии с Востока. В настоящее время можно считать установленным, указывает Ф. Дэльгер, что именно Алексей I Комнин просил у папы военную помощь против турок во время Пяченецкого собора в 1095 г. (стр. 86). Следует, однако, заметить, что эта точка зрения разделяется отнюдь не всеми византистами Запада⁴.

Переходя далее к вопросу о восточном и западном монашестве, Ф. Дэльгер отмечает, что если на Западе монахи своим трудом рачищали новь, переписывали рукописи, занимались воспитанием и обучением юношества, то византийские монахи почти никогда не делали этого. Однако воздействие Византии на Запад в сфере церковных отношений было велико. В западном культе „святых“, церковном песнопении, литургии, одеянии духовенства проявлялось, как устанавливает Дэльгер, значительное влияние Византии.

В разделе, посвященном литературным и научным связям между Византией и Западом, Ф. Дэльгер высказывает мысль о том, что уже само основание Константином Великим столицы на Босфоре означало предпочтение эллинистических компонентов имперской культуры ее латинским компонентам — предпочтение, которое было чревато большими последствиями (стр. 98).

В то время, как на Востоке в период раннего средневековья продолжалось дальнейшее развитие философских учений, на Западе уже в IV в. занятия философией ограничились в основном комментаторской работой. Но и на Востоке философия после VI в. превратилась в служанку богословия. На Западе же во второй половине XI в., как полагает автор, получило распространение философское движение, все более отходившее от богословия и приведшее в XII в. к развитию той схоластики, благодаря которой якобы Запад получил превосходство над Востоком (стр. 100—101).

Автор отмечает „превосходство“ греческой патристики над латинской, усматривая его в том, что греки сумели переработать христианское учение в продуманную философскую систему, которая могла „конкурировать“ с языческими учениями и с философским мировоззрением того времени. На Западе же ограничивались переводом произведений греческой патристики.

Далее Ф. Дэльгер сводит воедино данные о взаимном влиянии Византии и Запада в области составления энциклопедий, развития естественных научных знаний и медицины (стр. 105—107).

Автор констатирует, что в создании энциклопедий Византия опередила Запад. В области естественных наук общим и крайне скудным справочником для Востока и Запада служили Семиднев св. Василия и Антропология еп. Немесия. Медицина, в области которой византийцы не добавили ничего существенно нового к учению Гиппократов и Галена, в XI в. испытала на Западе возрождение благодаря знакомству с древнегреческими и арабскими медицинскими трактатами. Прямых культурных связей Запада с Византией в области медицины автор не устанавливает (стр. 107).

⁴ См. ниже, стр. 335.

Говоря о развитии права на Западе, Ф. Дэльгер признает определенное воздействие римско-византийских правовых норм на законодательство германских государств, полагая вместе с тем, что основные и принципиальные установления были созданы в соответствии с германскими правовыми воззрениями.

В тех областях Италии, которые оставались до XI в. под властью Византии, действовало византийское право и были известны, повидимому, все новые его кодификации. В сфере частно-правовых отношений византийское право продолжало играть на Западе серьезную роль и после XI в. (стр. 109).

Таким образом, почти по всем без исключения рассмотренным вопросам (в период с IV по XI в.) Ф. Дэльгер отмечает более высокое по сравнению с Западом культурное развитие Византии и признает, что ее влияние на Запад было преобладающим.

Доклад Дэльгера представляет известный интерес в качестве общей сводки фактического материала по истории политических и культурных взаимоотношений Византии и Запада в раннее средневековье. Большая эрудиция позволила докладчику систематизировать целый ряд установленных зарубежными исследователями в последнее время в этой области фактов, которые если и не вносят нового в общее решение тех или иных вопросов, то во всяком случае представляют по ним интересный дополнительный материал.

К докладу Ф. Дэльгера примыкает весьма интересный по своему фактическому материалу и выводам доклад французского византиниста П. Лемерля „Византия и крестовый поход“⁵. Западноевропейские историки, указывает П. Лемерль, и крестовые походы изучали с „западной точки зрения“ (стр. 595). По большей части они опирались, да и по сей день опираются, преимущественно на латинские источники, сравнительно редко привлекая сообщения греческих авторов. Правда, проблемой крестовых походов начинают все больше интересоваться „исламисты“, держащие в своих руках ключи от арабских источников (докладчик имеет в виду главным образом исследование Клода Каэна), но голос византиноведов в этом вопросе еще не прозвучал с достаточной ясностью (там же). Следует заметить, однако, что „упрек“ П. Лемерля в общем верен лишь по отношению к современной византинистике. Было бы ошибочным распространять его на византиноведение вообще. Сам докладчик отмечает известные работы по крестовым походам, принадлежащие византинистам — Ф. Шаландону, Л. Брейе, С. Рэнсиму (стр. 595—596). Необходимо упомянуть и труды старых русских византиноведов — В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского, много и плодотворно занимавшихся проблемой крестовых походов именно в „византийском плане“. Докладчик, к сожалению, не дал оценки их исследованиям, в определенной мере не утратившим своего научного значения и по настоящее время.

В своем докладе П. Лемерль показывает прежде всего, какое важное место при изучении истории крестовых походов должны занимать памятники византийской исторической литературы. Он подробно анализирует некоторые византийские источники, представляющие немалый интерес для исследователей крестоносного движения XI—XIII вв.

В первую очередь он обстоятельно выясняет важное значение такого памятника, как „Алексиада“ Анны Комнины — почти единственного из византийских источников, привлекаемого западными исследова-

⁵ P. Lemerle. Byzance et la croisade. Relazioni, vol. III, p. 595—620.

телями и, тем не менее, редко оцениваемого ими по заслугам (стр. 596). Между тем эта писательница „по основательности рассказа, связности изложения фактов, глубине толкования событий не может идти в сравнение ни с кем из западных историков“ первого крестового похода (там же).

Указав, что Анна Комнина, как современница первого крестового похода, располагала сведениями из первых рук, в частности, имела доступ к официальным документам (договоры, переписка), подчеркнув, далее, хронологическую точность ее повествования, П. Лемерль справедливо оттеняет то обстоятельство, что „Алексиада“ — „это единственный текст, который позволяет отгадать, какова должна была быть реакция общественного мнения в Византии“ на события крестового похода. Докладчик выделяет и группирует основные факты, сообщаемые Анной Комниной о крестоносцах и о политике византийского двора по отношению к этим грубым и невероятно жадным, в изображении автора „Алексиады“, варварам, к которым правительство Алексея Комнина, естественно, проявляло большую осторожность и недоверие: в Византии, имевшей опыт войн с норманнами, были убеждены в том, что истинная цель франкских сеньоров состоит в завоевании Константинополя. Латинских баронов рассматривали поэтому как псевдопаломников: „четвертый крестовый поход уже реял в воздухе“ (стр. 599).

Указав на непрерывно нараставшее обострение противоречий между Византией и Западом после первого крестового похода (стр. 603), Лемерль в последующих разделах доклада выясняет значение данных переписки Мануила Комнина с папой Евгением III (1147 г.), в особенности же — известный Иоанна Киннама (для истории второго крестового похода) и Никиты Хониата (второй, третий и четвертый крестовые походы). Докладчик, в частности, справедливо отметил в целом фактически достоверный рассказ о походе Фридриха Барбароссы в 1189—1190 гг., содержащийся в „Истории“ Никиты Хониата, который в то время занимал видный пост в Филиппопольской епархии и лично имел дело с германскими крестоносцами (стр. 608—609). Вместе с тем П. Лемерль указывает на элементы необъективности в описании Никитой Хониатом похода, идеализации историком самого Фридриха Барбароссы в качестве „друга греков“ и т. д. (стр. 610). Вопрос о позиции Никиты Хониата в данном случае, замечает докладчик, остается недостаточно ясным и останется таковым до тех пор, пока его „История“ не будет подвергнута углубленному исследованию (стр. 611).

Проследивая основные этапы в развитии отношений между Западом и Византией во время крестовых походов, П. Лемерль во многих вопросах занимает гораздо более правильную и реалистичную позицию, нежели некоторые другие современные буржуазные исследователи.

Докладчик убедительно показывает несостоятельность взглядов американского ученого П. Хараниса по вопросу о роли Византии в организации первого крестового похода. П. Харанис, искусственно интерпретируя известия некоторых западных хронистов, а также сведения византийского компилятора конца XIII в. Феодора Скутариота, пытался доказать, что первый крестовый поход был якобы вызван не только проповедью Урбана II, но и — в равной степени — призывами Алексея Комнина о помощи, обращенными к Западу⁶, что, следовательно, и папство, и Византия одинаково разделяют „ответственность“ за первый крестовый поход. Лемерль с фактами в руках решительно опровергает эту

⁶ См. P. Charanis. Byzantium, the West and the Origine of the First Crusade. Byz., t. XIX, 1949, p. 207—221.

концепцию, выдвигавшуюся уже раньше, давно отвергнутую в науке и возрождаемую ныне П. Харанисом с целями совсем не академического характера. „Можно лишь удивляться, — пишет Лемерль, — что П. Харанис еще остается поборником этой (западной) традиции“, которая старалась „с помощью лживых средств представить дело так, будто Алексий вызвал вооруженную интервенцию Запада“ (стр. 600, прим. 3).

В западноевропейской историографии давно уже укоренилась ложная тенденция, восходящая к хроникам XII—XIII вв., а именно — во всех неудачах западных крестоносцев винить „коварных“ и „вероломных“ византийцев, „предававших дело креста“. П. Лемерль совсем иначе оценивает политику Византии по отношению к крестоносцам: он указывает, что походы западных рыцарей представляли большую угрозу для существования Восточной Римской империи, и именно это определяло ее позицию. Так, зимой 1189/90 г., в момент крайне напряженных отношений между Исааком Ангелом и Фридрихом Барбароссой, последний проектировал нападение с моря на Константинополь большой западноевропейской коалиции (стр. 610). Недоверие к крестоносцам в Константинополе усиливалось их собственным поведением. Это недоверие переросло в конфликт, когда крестоносцы осуществили завоевание территорий, некогда принадлежавших империи: с этого времени конфликт стал постоянным (стр. 619).

Следует отметить реалистичность в подходе Лемерля к такой важной и „вечной“, по его выражению, проблеме, как четвертый крестовый поход, на котором, впрочем, докладчик останавливается довольно бегло (стр. 611—614). В то время, как многие современные исследователи склоняются к пресловутой виллардуэновской схеме „случайностей“, объективно служащей целям оправдания захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г., Лемерль со всей категоричностью отстаивает в своем докладе тезис о „предумышленности“ поворота четвертого крестового похода в сторону Византии. „До сих пор, — замечает он, — поочередно взваливали ответственность за отклонение крестоносцев на всех тех, кто только мог ее нести: на греков, венецианцев, папу, маркиза Монферратского, немцев... Но византинист не может упускать из виду ни папских притязаний на господство над восточной церковью, ни — тем более — пренебрегать длинной историей отношений и конфликтов Венеции с Византией, ни, наконец, забывать о союзе Швабского и Монферратского домов. В тот момент, когда серьезные экономические побуждения толкнули Запад и Венецию на греческий Восток, целая серия обстоятельств подготовила подчинение Венецией армии крестоносцев, которая выступила „инструментом венецианского могущества“ (стр. 612).

„Можно спорить, — говорит П. Лемерль, — о степени предумышленности, о моменте, когда был решен поход на Константинополь, о степени участия каждой из руководящих сил похода в умысле против Византии, словом, — о роли и соотношении различных факторов, — но только не о самой предумышленности“ (стр. 612). С этим нельзя не согласиться.

Взгляды Лемерля по вопросу о причинах конфликтов Запада и Византии в период крестовых походов не совсем свободны от идеализма. В конце своего доклада он, например, сводит эти причины к противоречиям „между византийской концепцией Империи, как наследницы мировой римской державы, и реальностью, давно отделившей Запад от Востока“ (стр. 619). Но подобная формулировка у Лемерля — это, скорее, проявление „традиционной“ идеалистической фразеологии, чем собственно авторская характеристика сути исследуемых событий. Ниже он сам говорит о конфликтах крестоносцев с Византией, как о столкновении „между

духом независимости и аппетитами франкских баронов, полагавшихся на свою силу, и претензиями ослабленной Византии на верховенство" (стр. 619—620).

Подобного рода непоследовательность встречается и в других местах его доклада. Так, с одной стороны, пытаясь дать определение самому понятию „крестовый поход“, П. Лемерль явно сбивается на идеалистическое толкование этого понятия, развиваемое в исследованиях М. Виллея и некоторых других историков⁷. Крестовый поход, с его точки зрения, это вооруженное паломничество, имеющее своей целью освобождение святых мест и восточных христиан, предпринимаемое под эгидой церкви, „открываемое“ папской буллой и пр. (стр. 615). Но, с другой стороны, говоря относительно роли в крестовых походах религиозного фактора вообще, П. Лемерль довольно решительно отмежевывается от крайне идеалистической точки зрения, высказанной П. Руссе (стр. 616, прим. 1). Докладчик считает, что как бы ни был важен религиозный фактор для народа и большей части баронов, сам по себе он „не объясняет во всей широте“ крестовые походы — явление, которое, „не имея аналогий в истории христианства, по своему существу и на практике часто находится в противоречии с христианством“ (стр. 615). Правда, Лемерль готов объяснить религиозным чувством участие в движении отдельных „индивидов“, например, Людовика IX (там же), признать „могущественное вмешательство“ этого фактора в „коллективную психологию“ крестового похода (там же), но вместе с тем он считает, что к „концентрации“ религиозного чувства и его „взрыву“ вели „позитивные основания“: по образному выражению докладчика, „были причины (курсив П. Лемерля. — М. Э.) мифа о крестовом походе“ (стр. 616). „Для меня очевидно, — заявляет он, — что они были социального и экономического характера“ (стр. 616). И далее Лемерль высказывает мысль о том, что решение проблемы крестовых походов „в известной степени“ находится в сфере изучения аграрных порядков во Франции. Главными „факторами“, которые должны быть учтены при этом, он считает: количество обрабатываемых земель в стране, экономика которой базировалась на земледелии, и самые поземельные отношения, „сложные и суровые благодаря феодальным установлениям“ (стр. 616). Кроме того, по мнению Лемерля, необходимо иметь в виду развитие торговли с Востоком, „связанной с успехами текстильного производства и городской жизни на Западе“ (стр. 616).

Возвращаясь в заключение доклада к вопросу о противоречиях Византии с Западом во время крестовых походов, П. Лемерль категорически отвергает мысль о том, что они коренились в религиозных расхождениях. Последние получили большое значение лишь после и *вследствие* (курсив П. Лемерля. — М. Э.) событий 1204 г. (стр. 617).

Реалистичность подхода Лемерля к поставленным им проблемам несомненна, и хотя его доклад, казалось бы, трактует, подобно остальным докладам о крестовых походах, сделанным на Римском конгрессе, один из аспектов „идеи крестового похода“, но по своему содержанию и принципиальным установкам он выходит далеко за эти рамки.

Самым „маленьким“ из докладов по крестовым походам, помещенных в III томе „Трудов“ конгресса, является сообщение С. Рэнсимена „Население византийских провинций и крестовые походы“: его объем — всего четыре страницы⁸. Такой размер статьи объясняется довольно просто:

⁷ См. Сб. „Средние века“, т. VIII, 1956, стр. 120.

⁸ S. Runciman. The Byzantine Provincial Peoples and the Crusade. Relazioni, vol. III, p. 621—624.

автор задался целью собрать известия источников, которые свидетельствовали бы о благосклонном отношении к крестоносцам жителей византийских провинций, однако, — увы! — отыскать сведения подобного рода оказалось делом более, чем трудным. Предприняв некоторые попытки в этом направлении, Рэнсимен был вынужден в конце концов констатировать, что „идея крестового похода“ оставалась в равной мере чуждой как самим грекам, так и населению провинций империи, которое видело в рыцарях креста лишь беспорядочные банды грабителей. Впрочем, автор усиленно старается найти хотя бы незначительные указания источников противоположного характера: его разыскания показывают, например, что к отряду Петра Пустынника в Болгарии присоединилось... несколько жителей Филиппополя (стр. 621).

Рэнсимен утверждает также, что сербы и болгары будто бы помогали участникам третьего похода, видя в Фридрихе Барбароссе своего союзника против Византии (стр. 622). Однако это утверждение покоится на весьма шатком основании. Если в Сербии и Болгарии и возникали планы союза с крестоносцами против Византии (в июле 1189 г. в Нише, как известно, состоялись переговоры германского императора с великим жупаном, а также с представителями болгарских бояр), — то лишь среди феодальных верхов.

Народные массы славянских стран не могли испытывать к немецким крестоносцам, грабившим и разорявшим все на своем пути, никаких других чувств, кроме ненависти и отвращения. Неслучайно западные хронисты пишут о постоянных нападениях на крестоносцев „разбойников“ — сербов и болгар, которые убивали рыцарей креста, отнимали у них лошадей, отбивали обозы и пр. Позднее германский посол в Венгрию священник Эбергард в своем донесении императору сообщал, что когда он проезжал через Болгарию, то нашел разрытыми все могилы крестоносцев, умерших в дороге, а трупы их выброшенными из гробов и валявшимися на земле.

Вывод Рэнсимена базируется, следовательно, на ошибочном отождествлении народов Сербии и Болгарии с их феодальными правителями. Единственным народом „византийской сферы влияния“, который, по словам докладчика, „считал крестовый поход священной войной, а крестоносцев, по крайней мере, первого похода рассматривал как ведомых и вдохновляемых богом“, — были армяне (стр. 624). Это положение воспроизводит в несколько измененной форме распространенную в буржуазной медиевистике точку зрения, согласно которой киликийские армяне сблизилась с франками на почве религиозной общности. Некоторые из сторонников этой концепции утверждают даже, что армяне-христиане будто бы видели в крестоносцах чуть ли не своих „освободителей“ от тюрок-мусульман⁹.

⁹ R. Grousset. Histoire des croisades, t. I. Paris, 1948, pp. 54, 60 и др. К сожалению, такого рода представления не чужды и некоторым советским историкам. Традиционное мнение о союзе армян с крестоносцами, возникшем, якобы, на почве религиозной общности, поддерживает, в частности, Г. Г. Микаэлян в своей „Истории Киликийского армянского государства“ (Ереван, 1952, стр. 76 и сл., 92 и сл.).

„Армяне Киликии, — пишет он, — помогая крестоносцам, в них видели союзников в борьбе против мусульман Востока“ (стр. 93). Главная ошибка Г. Г. Микаэляна состоит в том, что он не отделяет армянских феодалов от армянского народа. „Константин и вообще армяне (!) Киликии и Сирии... помогали крестоносцам“ (там же); это выражение („Константин и вообще армяне“) весьма характерно для концепции Г. Г. Микаэляна. Армянское население он рассматривает классово недифференцированно, изображая „армян вообще“ в качестве некоей религиозно единой массы, которая вся поддерживала крестоносцев, как своих единоверцев.

„Ахиллесовой пятой“ концепций историков, разделяющих подобные представления, включая и Рэнсимена, является главный исходный пункт всех их рассуждений, а именно — сама собой разумеющаяся для них мысль о том, что отношение армян к франкам определялось будто бы исключительно вероисповедными мотивами. Это крайне зыбкое основание для построений, подобных тому, которое воспроизводит в своем сообщении Рэнсимен. В действительности, повидимому, дело обстояло не так просто: имеются основания полагать, что далеко не все армяне поддерживали западных „освободителей“. Общий язык, да и то — ненадолго — нашли не христиане-латиняне с христианами-армянами вообще, а лишь некоторые представители феодальной знати той и другой стороны. Конечно, решение этой проблемы требует обстоятельного анализа социально-политических отношений в киликийской Армении в конце XI в. — тема, выходящая за рамки настоящей статьи.

Р. А. Наследова
М. А. Заборов
